

68. См.: Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С.37–62.
69. Баранов Е.Ю. Производство зерновой продукции в Уральской области в 1928 – 1933 гг. (по сводным статистическим материалам Уральского управления народнохозяйственного учета) // Многокультурное измерение исторического образования: теория и практика. Екатеринбург, 2001. С. 17-20; Он же. Заготовки зерновой продукции в Уральской области в 1928-1933 гг. // Научно-теоретические основы непрерывного исторического образования. Екатеринбург, 2002. С. 53-58; и др.
70. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Петроград, 1922.

* Работа выполнена при поддержке фонда «РГНФ – Урал» проект № 04 – 01 – 83102 а / У «Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Урала. 1928–1934 гг.»

**Гаврилов Д.В.
(Екатеринбург)**

Архаичная региональная модель исторического развития Урала (так называемая «концепция В.В. Адамова»)

На рубеже 1960-1970-х гг. на исторической сцене шумно и скандално выступили так называемое «новое направление» и примкнувшая к нему «уральская школа В.В. Адамова», провозгласившие себя в качестве самых передовых, прогрессивных и высоконаучных течений в советской исторической науке. Выдвинутая тогда «концепция В.В. Адамова» не была принята большинством уральских историков, а затем забыта, но в последнее время предпринимаются энергичные попытки её реанимации, о чём свидетельствует недавно изданный Уральским государственным университетом (г. Екатеринбург) сборник статей «Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв.» (1). Поэтому возникает необходимость рассмотреть научные основы этой «концепции», определить её действительную роль и значение, место в исторической науке.

«Новое направление» впервые проявилось в 1960-х гг. в виде опубликованного в разных изданиях небольшого цикла социально-экономических работ, отличавшихся по своей проблематике и приёмам исследования. Открыто оно выступило на рубеже 1960-1970-х гг. - на Всесоюзной научной сессии по проблеме «многоукладности» в 1969 г. в г. Свердловске и изданием в 1972 г. в Свердловске сборника статей «Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности» (2).

Главной заслугой «нового направления» его сторонники считают выдвинутую ими в своей собственной интерпретации, для «более глубокого

понимания» экономики России начала XX в. и социально-экономических предпосылок Октябрьской революции 1917 г., «теорию многоукладности». Однако, с большим апломбом провозглашённая в 1960-х гг., эта «теория» сразу же вызвала и до настоящего времени вызывает много недоумённых вопросов, на которые до сих пор никто не дал вразумительных ответов.

Несмотря на свои огромные претензии, «теория многоукладности», в сформулированном идеологами «нового направления» виде, в действительности может именоваться теорией лишь условно, поскольку за неё обычно принимается ряд разрозненных, не связанных друг с другом, противоречивых положений, высказанных отдельными историками по разным поводам, не представляет собой чётко сформулированной, законченной системы взглядов, ясно изложенной, цельной и определенной научной концепции, то есть атрибутов, которые позволили бы считать её действительно научной теорией.

До сих пор нет ясности в том, кого из историков (за исключением нескольких фамилий) следует считать историками «нового направления», поскольку многие историки, которых причисляют к этому направлению, в целом не разделяли его взглядов.

Неясно также, почему эта расплывчатая, аморфная сумма противоречивых положений была названа «теорией многоукладности». Термин «многоукладность» не был изобретением историков «нового направления», уже давно существовал в дореволюционной и советской историографии, его использовали историки и экономисты конца XIX-начала XX вв., его многократно употреблял в своих работах В.И. Ленин, его применял главный идеолог КПСС в 1960-1970-х гг. М.А. Суслов, он широко использовался советскими историками и даже фигурировал в школьных учебниках (3). В самом «новом направлении» нового было очень мало, все их построения строились на своеобразном истолковании цитат классиков марксизма-ленинизма и уже известных исторических фактов.

Сущность «теории многоукладности» применительно к России начала XX века, в понимании его ведущего идеолога К.Н. Тарновского состояла вовсе не в том, что экономика страны признавалась многоукладной (это было аксиомой для советской историографии, в том числе и «официальной»), а в утверждении, что в пореформенной России капиталистический уклад был не систематизирующим, а лишь одним из укладов в многоукладной экономике страны. Российская экономика рассматривалась как механическая совокупность социально-экономических укладов, причём удельный вес, роль и значение докапиталистических укладов явно преувеличивались. Главной целью научно-теоретических «изысканий» новонаправленцев (никогда открыто не признаваемой) была попытка доказать некапиталистический характер российской «многоукладности», некапиталистический характер экономики дореволюционной России.

Из схоластических схем, построенных «новонаправленцами», бездоказательных постулатов о характере российской «многоукладности», намёков на её некапиталистический характер - должен был следовать вывод об отсутствии в стране объективных предпосылок социалистической революции, о неготовности страны к социалистическим преобразованиям в экономике и социально-политическом строе, содержался скрытый подкоп под официальную теорию социалистической революции в России в 1917 г. В этом и заключалась вся «соль», квинтэссенция «теории многоукладности».

Поскольку в России в октябре 1917 г. уже произошла революция, возглавляемая партией, руководствовавшейся социалистической теорией и приступившей к строительству в стране социалистического общества, революция уже была совершившимся фактом, то дискуссии, начатые историками «нового направления», уже тогда носили догматический и схоластический характер. Октябрьскую революцию 1917 г. можно любить или не любить, именовать её «переворотом», «катаклизмом», но она была, за 10 дней потрясла весь мир, и не считаться с этим фактом невозможно.

Вести дискуссии о том, имелись ли социально-экономические предпосылки революции Октября 1917 г. или их не было, это всё равно, что обсуждать: была ли беременна девица, неожиданно для родителей или кого-нибудь другого родившая ребёнка. В подобных случаях можно лишь говорить о том, что кто-то заметил её беременность, а другие её не смогли увидеть.

Диссидентское «новое направление» 1960-начала 1970-х гг., по видимому, выполнило свою задачу, расшатывая советскую идеологию, внося смятение в ряды советских историков, в чём его безусловная заслуга. Но выдвинутая им «теория многоукладности», как научная доктрина, не нашла поддержки среди большинства историков не из-за своего «идеологического инакомыслия», а из-за её догматизма, начётничества, научной неполноценности, её искусственности, оторванности от реальной действительности.

«Новое направление» поддержала группа уральских историков во главе с зав. кафедрой истории СССР Уральского государственного университета, кандидатом исторических наук В.В. Адамовым, в которую, кроме него самого, входили его аспиранты Ю.А. Буранов, Т.К. Гуськова и Л.В. Ольховая. Хотя выдвинутые тогда В.В. Адамовым несколько идей не составляют какой-либо законченной и научно обоснованной системы взглядов, редколлегией и авторами университетского сборника они именуется «концепцией В.В. Адамова».

Редколлегия и авторы университетского сборника, вместо обещанного анализа его творческого наследия, занялись беззастенчивым расхваливанием его научных трудов, объявили о множестве «концепций В.В.Адамова», «обогативших историческую литературу», представили их в качестве «крупных научных открытий» (4). Кроме того, они бесцеремонно занялись «исправлением», «дополнением» и «модернизацией» «концепций

В.В.Адамова», приписывают ему идеи, положения и термины, которых не было в его научных трудах.

Вот вывод, к которому пришел М.А. Фельдман: «Итак, логика исследований В.В. Адамова,- пишет М.А. Фельдман, - объективно подводила к переосмыслению ленинской теории о наиболее высокоразвитом капитализме не только в рамках Уральского региона, но в масштабе России. Для исторического периода 30-50-х гг. это было крупное (и, добавим, смелое) научное открытие, не потерявшее актуальность и в наши дни» (5).

Никакой «ленинской теории» «о наиболее высокоразвитом капитализме» «в Уральском регионе» и «в масштабе России» никогда не существовало, она выдумана самим М.А. Фельдманом. Хорошо известно, что В.И.Ленин считал Россию не страной «наиболее высокоразвитого капитализма», а страной со средним уровнем развития капитализма. Не считал он и Урал регионом «наиболее развитого капитализма», относил его к районам, где промышленность была ещё «не чисто капиталистической», где сохранялись «самые непосредственные остатки дореформенных порядков», «где точно вчера было крепостное право» (6).

Зачем М.А.Фельдману понадобилось, по неведению или преднамеренно, подобное откровенное враньё? Это видно из второй половины цитаты, судя по которой «исследования В.В. Адамова» якобы превзошли «ленинскую теорию», вели к её «переосмыслению», что они были «крупным научным открытием». Самому В.В. Адамову мысль о том, что его «концепция» превзошла теории В.И. Ленина, вела к их «переосмыслению» (в своих трудах он постоянно, почти на каждой странице, и даже по несколько раз на одной странице, ссылался на В.И. Ленина), едва ли могла присниться в самом страшном, кошмарном сне. Манипулирование М.А. Фельдмана адамовским научным наследием свидетельствует о его неуважении к памяти учёного, единомышленником и продолжателем дела которого он называет себя.

Н.Н. Алеврас, «современивая» взгляды В.В. Адамова, уверяет: «историки нового направления» и В.В. Адамов, в частности, своими разработками подходили к идеям, близким теории модернизации, и обосновывали цивилизационные принципы исторического познания». По её мнению, «в среде «нового направления» формировался подход, совпадавший по основным параметрам с идеями теории модернизации, выраженными западноевропейскими учёными в 60-70-е гг. XX в. С. Блэком, А. Гершенкроном, У. Ростоу и др.». «Исходя из этого,- заключает Н.Н. Алеврас, - методологические поиски «новонаправленцев», в том числе В.В. Адамова, можно рассматривать в качестве варианта подобных теорий, а их творчество воспринимать как предтечу современного переосмысления российского индустриального феномена...» (7). Но это тоже явная натяжка.

Ни подходов, «близким теории модернизации» и «цивилизационным принципам исторического познания», ни «совпадения по основным параметрам с идеями теории модернизации» в работах В.В. Адамова обнаружить

невозможно. Суждения В.В. Адамова о «крепостническом укладе» на Урале и «консервации» такого уклада коренным образом расходятся с теорией модернизации. Никогда не обращался он и к цивилизационному подходу. Нет в его работах никаких упоминаний или ссылок на труды С. Блэка, А. Гершенкрона, У. Росту.

Ни в одной из своих работ В.В. Адамов не отозвался на высказанные западноевропейскими и американскими историками того времени (например, Т. фон Лауэ и др.) мнения о ходе модернизационных процессов на Урале в конце XIX- начале XX вв. Даже самая большая поклонница «концепции В.В. Адамова» Т.К. Гуськова вынуждена подвергнуть критике попытки С.Я. Бугаевой и А.И. Прищепы «представить В.В.Адамова чуть ли не «предтечей русского варианта модернизма»». «Разумеется, для такого рода утверждений, - признаёт Т.К. Гуськова, - нет никаких оснований» (8).

Но это не всё. Кроме всего вышперечисленного, оказывается, что «концепция В.В. Адамова» имела магические, способные обосновать любую ситуацию свойства, а сам В.В. Адамов обладал нострадамуссовским даром предсказания, ещё в 1970-е гг. предвидел горбачёвскую «перестройку» и ельцинско-гайдаровские рыночные реформы, и, как утверждается в предисловии к университетскому сборнику, «фактически обосновал причины неизбежных сложностей, возникших в процессе эволюции советской государственно-монополистической экономики в социально-рыночную» (9). Конечно, никаких указаний или даже намёков на возможность эволюции советской экономики в рыночно-капиталистическую, никакого «обоснования причин неизбежных трудностей» для подобной эволюции в трудах В.В. Адамова нет и быть не могло, всё это чистейшего вида выдумки авторов и редколлегии университетского сборника.

«Концепция В.В.Адамова» не вытекала из монографического исследования, анализа и обобщения исторических фактов, была оторвана от конкретно-исторической действительности, была создана искусственно, умозрительным путём на основе тенденциозно подобранных и своеобразно истолкованных цитат из работ классиков марксизма-ленинизма, представляла собой одно из искажённых ответвлений советской исторической науки.

В своём главном научном труде - в статье «Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала», к которой редколлегия и авторы университетского сборника постоянно обращаются для восхваления адамовской «концепции», В.В. Адамов сослался на К. Маркса и Ф. Энгельса – 5 раз, В.И. Ленина - 75 раз, то есть в статье объёмом в 2 п.л. (32 страницы текста) классики марксизма-ленинизма упоминаются им 80 раз. Если исключить из этой статьи цитаты и их комментирование, то в сухом остатке от статьи не остаётся ничего существенного.

«Концепция В.В. Адамова», не встретившая поддержку среди большинства уральских историков, не доказанная и, как оказалось, недоказуемая, сейчас представляется редколлгией и авторами университетского

сборника в качестве непреложных истин, превращенных в непререкаемые, священные догмы, которые читатели должны принимать не рассуждая, слепо, на веру.

Догма первая: «Крепостнический уклад». В центре «концепции В.В. Адамова» находилось утверждение о существовании на Урале в начале XX в., вплоть до Октября 1917 г., некоего «крепостнического» социально-экономического уклада. В.В. Адамов писал: «Крепостнический уклад общественного хозяйства представлял в России огромную силу. Капитализм так и не смог до самой революции сломить этот уклад» (10). «Капиталистической индустрии, крепостническому укладу Урала – оригинальный строй промышленности», и разъяснял, что уральская горнозаводская промышленность отличалась «по самому своему существу от строя и организации капиталистического производства» (11). На научной сессии 1969 г., признавал В.В.Адамов, возражения со стороны участников сессии вызвало его «отнесение горнозаводского хозяйства Урала к крепостническому укладу» (12).

Утверждение о «крепостническом укладе» является краеугольным камнем «концепции В.В. Адамова», без него эта «концепция» становится бессмысленной и теряет своё «диссидентство». Но что представлял из себя «крепостнический уклад», каковы были его составляющие, его структура, как он функционировал, как взаимодействовал с другими укладами, подтверждается ли его существование конкретно-историческим материалом - ни сам В.В. Адамов, ни его ученики никогда не разъясняли. Придуманый В.В. Адамовым «крепостнический уклад» до сих пор остаётся отвлечённым понятием, чем-то неясным, туманным, мифическим и эфемерным.

Доказать, что накануне Октября 1917 г. горнозаводская промышленность Урала, в которой ведущие металлургические заводы были уже полностью или основательно реконструированы, оснащены современной по тому времени техникой; 93,9 % металла (1910 г.) производилось мартеновским и бессемеровским способами; в энергетическом хозяйстве на долю паровых, электрических и двигателей внутреннего сгорания (1916 г.) приходилось 95,1 %, а на долю водяных - только 4,9 %; почти вся она находилась под контролем банковского капитала; со времени отмены крепостного права прошло более полувека и «отработки» сохранились только на немногих мелких захудалых заводах, что такая промышленность представляла собой «крепостнический уклад» - абсолютно невозможно.

Вместо того, чтобы признать идею о существовании на Урале в начале XX в. «крепостнического уклада» ошибочной, редколлегия и авторы университетского сборника всячески изворачиваются, в их истолкованиях «крепостнический уклад» куда-то исчез, а вместо него появились неуклюже изобретённые какие-то иные, «родственные крепостническому» уклады - феодально-крепостнический, феодальный, полукрепостнический и др. (13).

Догма вторая: особые свойства «окружной системы». Существовавшую на Урале окружную систему В.В.Адамов считал структурой «крепо-

стнического уклада», «олицетворением оригинального строя» уральской горнозаводской промышленности (14).

Этот постулат можно было бы воспринять серьёзно лишь в том случае, если бы окружная система существовала только на Урале, и можно было бы предполагать, что именно она обусловила формирование в регионе «оригинального строя». Но окружная система существовала также в Западной Сибири (Алтай), в Восточной Сибири (Нерчинский округ), в Карелии, на Кавказе, она существовала в странах Западной Европы (в Германии, Австрии, Швеции), но нигде, кроме Урала, не сложилось такого «оригинального строя», как на Урале. Следовательно, дело было не в окружной системе, как таковой, а именно в местных факторах, которые и обусловили в пореформенный период формирование и длительное существование на Урале «оригинального строя».

В.В. Адамов утверждал, что «окружная система» «определяла путь и тип» эволюции уральского горнозаводского хозяйства, обусловила «особенности социально-экономического развития» региона. По мнению его поклонников, окружная система обладала ещё большими, прямо чудодейственными, магическими свойствами: определяла «особенности экономической и социокультурной жизни региона», «организационно-техническую сторону функционирования округов», все происходившие в них экономические, технические, демографические и социальные процессы (15).

Окружная система, являясь административно-правовой категорией, закреплённой Уставом горным, регламентировала права горнозаводчиков на занятие горным промыслом, и никак не могла влиять на производственно-техническую, финансово-экономическую, социальную и социокультурную стороны деятельности горнозаводских округов.

Догма третья: «переплетение» укладов и их «консервация». По мнению В.В.Адамова, на Урале в начале XX в. происходило «не преобразование крупным капиталом отсталых горнозаводских округов по своему образу и подобию, а взаимное приспособление финансового капитала к полукрепостническому строю горнозаводских округов», «крепостнический уклад» «не вытеснялся капитализмом», а, наоборот, «упрочивался, консервировался», происходило «сближение и переплетение силы и мощи монополистического капитала с силой крепостничества». По утверждениям авторов университетского сборника, осуществлялась «делка» «по разделу привилегий между финансовым капиталом и уральскими помещиками-промышленниками», которая не свидетельствовала о «продвинутой» «в смысле капиталистического развития». Поэтому, считал В.В. Адамов, никакая техническая реконструкция уральских заводов «в рамках окружной системы» была невозможна, капиталовложения на их реконструкцию были мизерными – составили только 15 млн руб. (16).

Эти постулаты не нашли подтверждения в конкретно-исторических исследованиях. Ю.А. Буранов, исследуя процесс акционирования в ураль-

ской горнозаводской промышленности, раскрыл механизмы подчинения уральских акционерных обществ финансовым капиталом, установил почти полное вытеснение старых феодальных владельцев из уральской горнозаводской промышленности, убедительно доказал несостоятельность утверждений о «переплетении» финансового капитала и феодальных владельцев, «консервации пережиточных явлений», о «невозможности» проникновения инвестиций в окружающую систему.

Исследования М.П. Вяткина и Ю.А. Буранова показали, что коммерческими банками накануне и в годы промышленного подъема 1910–1914 гг. было вложено в техническую реконструкцию уральских заводов 107,8 млн руб. Тогда же Совет министров ассигновал крупные суммы на переоборудование казённых заводов: Пермского пушечного - 10,6 млн руб., Ижевского оружейного - 4 млн руб. и т.д. В годы Первой мировой войны на «переустройство» частных заводов для производства военной продукции коммерческими банками было вложено 70-75 млн руб., 39 заводов затратили на приобретение оборудования, связанного с военными заказами, 130 млн руб. (17).

Догма четвёртая: не рабочий класс, а «сословие крепостнического уклада». Горнорабочие Урала, утверждал В.В. Адамов, даже в начале XX в., вплоть до 1917 г., «взяты в целом», якобы представляли собой «не пролетариат, а сословие крепостнического уклада», их состояние следует сравнивать «не с положением пролетариата центра России, а с положением сельскохозяйственных рабочих». Редколлегия и авторы университетского сборника заявили «о преобладании у уральских рабочих сословных черт и характеристик над классовыми» (18).

Но пролетариат на Урале действительно существовал, и не только в фабрично-заводской промышленности и на железнодорожном транспорте, как полагал В.В.Адамов, но и в горнозаводской промышленности, что подтвердили многочисленные исследования историков и Октябрьская революция 1917 г.

Анализ земских подворных переписей в горнозаводских районах Урала, проведённых в 80-90-х гг. XIX вв., показал, что горнозаводские рабочие в своей основной массе (70-90 %) не занимались обработкой земли, порвали с земледелием, процесс пролетаризации среди них зашёл довольно далеко. Даже на старых, существовавших с крепостнических времён заводах, сложилась значительная группа рабочих-пролетариев (около 40-50 %), совершенно лишённых каких бы то ни было средств к существованию, кроме собственных рук. Горнозаводский Урал уже в конце XIX в. был подлинно пролетарским краем (19).

По данным Всесоюзной переписи населения 1929 г., среди рабочих металлообрабатывающей и металлургической промышленности Урала, начавших работать в 1914-1917 гг., сохранявшие связь с землёй составляли: у металлистов – 25,9 %, металлургов – 30,1 % (20), т.е. накануне революции 1917 г. около 70-75 % металлистов и металлургов не имели связи с землей.

Догма пятая: «типичность» Нижнетагильского округа. Т.К. Гуськова и Л.В. Сапоговская утверждают, что Нижнетагильский округ являлся «типичным» и «на его примере» можно рассматривать всю организацию уральской горнозаводской промышленности в целом (21).

В действительности, он как раз типичным не являлся: 1) Был расположен на Среднем Урале, в районе с благоприятными природно-климатическими условиями; 2) Обладал богатейшими природными ресурсами, в числе которых - г. Высокая с гигантскими запасами высококачественной железной руды; 3) Кроме чугуна и железа, выплавлял медь, добывал золото и платину; 4) Включал 9 заводов, дал в 1860 г. 13,8 % чугуна, 11,9 % железа, 39,6 % меди, 28,1 % золота, 90,6 % платины, производимых на всём Урале; 5) Владельцы округа Демидовы имели колоссальное влияние в правительственных кругах, пользовались поддержкой царствующих особ; 6) Обладание крупными капиталами позволяло Демидовым (вплоть до начала XX в.) сохранять финансовое равновесие своего округа.

Горнозаводских округов, равных по производительной мощности Нижнетагильскому, на Урале было только 4-5. Поэтому его нельзя ставить в один ряд, сравнивать с округами средних и малых размеров, состоявшими из 1-2 заводов, часто - не имевшими своей рудной базы и собственных лесов, принадлежавшим мелким, неавторитетным владельцам, не обладавшим значительными капиталами. Рассматривать развитие социально-экономических процессов на всём Урале «на примере Нижнетагильского округа» - ненаучно, а часто - просто абсурдно.

«Концепция В.В.Адамова», предложенная в качестве региональной модели социально-экономического развития Урала, являлась перепевом устаревших официальных, буржуазных и народнических теорий конца XIX-начала XX вв. Она была не шагом вперёд, а, наоборот, тянула историческую науку назад, к представлениям русской дореволюционной архаичной официальной, буржуазной и народнической историографии о некапиталистическом характере экономического развития России, об отсутствии в стране индустриального пролетариата, о полукрестьянской-полурабочей социальной природе уральских рабочих.

Несмотря на то, что «новое направление» и «концепции В.В. Адамова» оказались научно несостоятельными, не выдержали испытания временем на достоверность и жизнеспособность, за три прошедших десятилетия не дали каких-либо ощутимых реальных результатов - редколлегия и авторы университетского сборника призывают возродить их, ратуют за всемерное внедрение их в историческую науку, за возвращение к проблемам, «поднятым» ими, призывают использовать их идеи для «современного переосмысления исторического процесса» (22).

Настораживают боевой дух и воинственный тон редколлегии и авторов университетского сборника, их агрессивность и непримиримость ко всем заподозренным в нелояльности к «концепции В.В. Адамова», их неже-

ление оценить реальную действительность, увидеть действительно прогрессивные перспективные, а не мнимые и оказавшиеся бесплодными пути развития исторической науки.

1. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. Екатеринбург, 2004.
2. Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.
3. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.296; Суслов М.А. Избранные речи и статьи. М. 1972. С.560-561; История СССР с древнейших времён до наших дней. М. 1967. Т.VII. С.294-314,363-378 (авторы разделов - Д.А. Коваленко, Н.Я. Бромлей).
4. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.5.
5. Там же. С.74.
6. Ленин В.И. К вопросу об империализме // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.39. С.178; Он же. Развитие капитализма в России // Там же. Т.3. С.488; Он же. Замечательное дело // Там же. Т.23. С.373.
7. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.19,23.
8. Там же. С.41.
9. Там же. С.5.
10. Адамов В.В. Горнозаводская промышленность Урала в годы Первой мировой империалистической войны. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Л. 1954. С.VII-VIII.
11. Он же. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. С.235.
12. Он же. Предисловие // Там же. С.8.
13. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.5, 35-36, 79-83, 90.
14. Адамов В.В. Об оригинальном строе Урала // Научная сессия, посвящённая проблемам многоукладности российской экономики в период империализма. Доклады. С.78.
15. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.34-36, 61, 78-79.
16. Гарновский К.Н. Проблема взаимодействия социально-экономических укладов империалистической России на современном этапе развития советской исторической науки // Вопросы истории капиталистической России: Проблема многоукладности. С.24; Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала. С.246-247, 255-256; Он же. Развитие промышленности Урала в 1908-1913 гг. // Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961. С.14, 19.
17. Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов, 1 июля 1916-1 января 1918 гг. Пг., 1918. С.53; Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900-1917 гг. М.-Л., 1965. С.236, 396; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917). М., 1982. С.257.
18. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.5.
19. Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Екатеринбург, 1891. С.269-493; Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии. Казань, 1894. Вып. 5. Ч. 1. Заводский район. С.240-255;

- Гаврилов Д.В. Рабочие Урала в период доомонополистического капитализма, 1861-1900 (Численность, состав, положение). С.138-143.
20. Рашин А.Г. Металлисты СССР. М., 1930. Т.1. С.26.
21. Социально-экономическое и политическое развитие Урала в XIX-XX вв. С.38,64.
22. Там же. С.5-6, 15, 44, 66, 69.

Галкина Т.А.
(Екатеринбург)

Роль Екатеринбургского Ново-Тихвинского монастыря в становлении женского образования в Пермской губернии

История возникновения Ново-Тихвинской обители восходит к XVIII веку. Это был первый именно женский монастырь, основанный на территории Пермской губернии. В 1799 г. в Екатеринбурге возникла женская община при кладбищенской церкви Успения Божьей матери. На её основе через 10 лет появилась Ново-Тихвинская пустынь, позднее переведенная в монастырь 3-го класса. Через 23 года после основания общины в 1822 г. был учреждён женский монастырь 1-го класса. Ново-Тихвинский монастырь был единственным первоклассным на территории Урала и Сибири. Он был самым крупным женским монастырём. Монастырь активно развивал свою деятельность в разных направлениях: сельское хозяйство, промыслы, просвещение, благотворительность, строительство. По всем направлениям он достиг высоких результатов. Как и многие другие в 1921 г. Ново-Тихвинский был закрыт. В 1994 г. он был возрожден.

Особого внимания заслуживает просветительская деятельность монастыря, так как он стоял у истоков развития женского образования на Урале. На основании «правил Высочайше утвержденных в 1836 году и 14 статьи Устава Духовной Консистории 4.09.1838 года при монастыре было открыто женское училище» (1). Изучить его деятельность позволяют отчёты, публиковавшиеся ежегодно в Екатеринбургских Епархиальных Ведомостях с 1886 по 1917 годы включительно. До учреждения училища обучением занималась старшая грамотная монахиня, которая учила не только монастырских детей, но и приходящих девиц из духовного, купеческого и крестьянского сословий. Первое десятилетие училище полностью содержалось за монастырский счёт. Первоначально оно состояло из трёх классов. Преподаванием бесплатно занимался один монастырский священник, а рукоделием обучала монахиня, надзиравшая за ученицами. В 1847 г. училище посетил архиепископ Пермский Аркадий. В последствии он написал игуменье Александре (1827-1858), что «училище должно обратить на себя особое внимание епархиального начальства». Он признал нужным возвысить значение этого заведения и высказал следующие пожелания: «По нашей епархии заводятся училища